

ГОЛАЯ ГЕОЛОГИЯ

— George Monroe —

Часть 2

18+

George Monroe

Голая геология Часть 2

«Автор»

2026

Monroe G.

Голая геология Часть 2 / G. Monroe — «Автор», 2026

Десять дней в таёжном лагере меняют Полину. Среди семерых мужчин она учится преодолевать страхи, осваивает непривычные правила жизни в глуши, подавляет свой стыд и все свободнее относится к собственным желаниям. Здесь у каждого свои привычки, свои тайны и свое представление о том, что должно остаться в поле. Но однажды ночной покой нарушают загадочные звуки, а вскоре обнаруживается, что в окрестностях лагеря регулярно появляется чужак. Следы ведут к истории, которую давно считали законченной. Тем временем юный Пашка, мечтающий о поступлении во ВГИК, работает над новым сценарием. Он уверен, что сумеет превратить увиденное в тайге в настоящую историю. Но иногда жизнь оказывается куда круче любого вымысла. И когда привычный уклад лагеря рушится, геологам предстоит столкнуться с тайной, способной изменить многое.

© Monroe G., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

George Monroe

Голая геология Часть 2

Голая геология Часть 2

1. Тревожный день

Ночной кошмар прекратился так же неожиданно, как и начался. Скрежет, тяжелое дыхание, гулкие удары в дверь землянки, далекий лай невесть откуда взявшейся собаки...

Все стихло. Однако наступившая тишина настораживала и пугала не меньше исчезнувших звуков.

Несколько минут, пока Полина не успокоилась и не выровняла дыхание, Иван Семенович стоял рядом. Потом шагнул к двери, повернул голову, прислушался...

Тихо. Никого.

Он похлопал ладонью по лежаку.

– Ложись. Чего в углу-то торчать?

Прикрыв грудь рукой, она присела на край лежака.

– А вы?

– Посижу, покараулю. А ты поспи, девонька. Глядишь и дурная ночь быстрее кончится...

Она не спорила, потому что больше всего на свете хотела, чтобы ужас сегодняшней ночи растаял вместе с темнотой.

Завернувшись в одеяло, она легла. Но через минуту протянула руку, нащупала грубую мужскую ладонь на краю матраца и сжала ее. Чтобы даже во сне ощущать присутствие его – надежного Ивана Семеновича...

* * *

Сон отступал медленно и нехотя. Но стоило памяти лишь намекнуть о недавних событиях, как реальность наотмашь ударила по щеке.

Вздвигнув, Полина открыла глаза.

Иван Семенович сидел на краю лежака у двери – положив на колени винтовку, сгорбившись и глядя на подпертую поленом дверь.

Он не сомкнул глаз. Полина поняла это сразу – по неподвижной позе, по осунувшемуся лицу, по красным от усталости глазам. Но взгляд его оставался ясным, собранным, решительным.

– Иван Семенович, – прошептала она.

– Можешь говорить громче, – обернулся он. – Не бойся. Все прошло.

Полина села на лежаке. Одеяло сползло – голая грудь, твердые от утреннего холода соски. Он коротко обернулся, взгляд скользнул по ней: по голым плечам, по ключицам, по груди. Девушка поймала этот взгляд и поняла: он был рядом всю ночь – сидел, держал наготове карабин, и не тронул ее пальцем. И от этой его выдержки, от потаенной силы, от молчаливой, несказанной надежности – у нее сжалось внутри.

– Сколько времени? – так же тихо спросила она.

– Шестой час. Скоро рассвет.

– Оно... возвращалось?

– Нет. Ни одного подозрительного звука. Только шум реки. Ветер. Птицы.

Полина встала. Подошла к нему – в одних трусиках, босая по холодному полу. Положила руку ему на плечо. Его мышцы – под тонкой темной майкой – были напряжены. Он весь сейчас походил на зверя, готового к кровавой схватке.

– Вам надо поспать, – мягко сказала она.

– Потом, – чуть повернул он голову. – Надо дожидаться рассвета. Хочу выйти, посмотреть...

* * *

За дверью светало. Медленно, как всегда в сентябре: сначала – серая кромка за щелями толстой двери, потом – голубоватый, холодный свет. И, наконец, первый луч – косой, желтоватый, разрезающий надвое нутро землянки. Птицы запели – резко, недовольно, будто тоже не выпались.

– Пора, – встал Иван Семенович.

Винтовка – в руках наготове. Нога медленно отодвинула полено, подпирающее дверь.

Дверь тихо скрипнула и приоткрылась, обдав светом и холодным воздухом.

Он вышел первым. Осторожно. Приклад – к плечу, ствол – чуть опущен. Полина осталась в глубине землянки и со страхом смотрела на его широкую спину в мятой темной майке. Как он поворачивался, осматривая ближнее пространство, затем обшаривая взглядом каждый угол, каждый куст, каждую тень.

– Чисто, – сказал он. – Можно выходить.

Полина быстро оделась и шагнула наружу.

Утро встретило росой, запахом хвои и реки. Лагерь выглядел тихо, мирно, безобидно. Потухший костер. Стол с грязной посудой и пустыми бутылками. Темные бугры жилых землянок. Пустая тропа, уходящая к могиле Риты. И тайга, молчавшая так, словно ничего не случилось.

Держа в поле зрения Ивана Семеновича, она осторожно приблизилась к столу. Быстро осмотрев свое хозяйство, вернулась.

– Трава примята, – кивнул Иван Семенович на пространство между землянок. – Но не сильнее, чем от сапог наших мужиков. И больше ничего.

– А следы?

– Никаких следов. Ни от лап, ни от когтей. Будто и не было никого.

– Посуда на столе нетронута, – сказала девушка.

Иван Семенович пригладил усы и вздохнул:

– Плохо.

– Что плохо?

– Плохо, когда нет следов. Лучше бы они были.

* * *

По утрам первым в лагере всегда просыпался Каплан – старый еврейский организм работал экономно и продолжительного сна не требовал. Сегодня Иван Семенович нарушил этот ритуал. Пока Полина разжигала костер и занималась чаем, он подходил к запертым дверям землянок и громко стучал кулаком по потемневшему дереву.

– Подъем! Подъем, мужики!..

Мужики просыпались нехотя. Леха вывалился из землянки с заспанной недовольной похмельной физиономией:

– Чо так рано, Семеныч?!

– Дело есть. Вытаскивай своих обормотов к столу...

Из соседней землянки вышел Каплан: в очках, аккуратный, встревоженный. Он знал – Иван понапрасну шуметь не станет. За ним на свет божий появился Палыч – крупный, тяжелый, в джинсах и тельняшке; с бородой, торчащей во все стороны. Мрачный Винт скользнул тенью к столу. Следом – Вартанян, на ходу причесывая волосы. Последним уселся на лавку Пашка – растрепанный, с отметиной на щеке от подушки. И с блокнотом в руке.

Полина поставила на стол чистые кружки, рыбные консервы, сало, пачку сахара-рафинада. Крупно нарезала буханку белого хлеба. Чайник на костерке еще не закипел.

Иван Семенович кивнул: «Ешьте». И начал рассказ о ночном происшествии...

По мере рассказа, народ мрачнел. Ложки скребли по жестяным банкам все реже и осторожнее. Заварку и чай по кружкам Полина разливала в тишине.

* * *

Завтрак проходил тише обычного.

Полина сидела между Палычем и Иваном Семеновичем – на том же месте, где сидела вчера.

– Все так и было, – подтвердила она. – Сначала скрежет. Потом – толчки в дверь и тяжелое дыхание снаружи.

– В общем, чужак побузил, поскребся, потолкал дверь, а после лая собаки исчез, – закончил рассказ Иван Семенович. – И тишина до самого рассвета.

Мужики переглядывались. Первым заговорил Леха:

– Взрослый медведь сразу вынес бы дверь. Может, первогодок?

– Любой медведь оставил бы следы от когтей, – отрезал Палыч. – Раз следов нет – знать приходил кто-то другой.

Помолчали.

– Точно никто ничего не слышал? – обвел мужиков требовательным взглядом Иван Семенович.

– Я точно не слышал, – снял очки Каплан, протер стекла майкой и снова надел. – Спал как сурок. И потом мы же в самой дальней землянке. Немудрено не расслышать.

– Молодежь?

– Спали, – буркнул Леха. – Накувыркались за день...

– Да и водочки за ужином знатно употребили, – добавил Винт. Его скуластое лицо не выражало ничего, кроме желания опохмелиться.

– Кажется, сквозь сон слышал лай собаки, но... – Пашка почесал вихрастую голову. – Посчитал, что мне это снится.

Иван Семенович хмуро кивнул. Полина видела: он ожидал такого исхода.

– Ладно, – стукнул он ладонью по столешнице. – Работаем по плану. Маршрут дальний, вернемся не раньше семи вечера. В лагере остается Полина.

– С кем? – спросил Палыч – ровно, без вопросительной интонации. Как будто уже знал.

– С тобой. Иосиф хорош в цифрах, а ты – в охоте и стрельбе.

Каплан пожал плечами – без обиды, с пониманием ситуации.

Палыч – кивнул. Тоже с пониманием. И в ту же секунду – под столом, незаметно для остальных – положил ладонь на коленку Полины.

Девушка замерла. От веса и тепла грубой ладони внизу живота потеплело. Стараясь не подать вида, она взяла со стола кружку, сделала глоток сладкого чая. И – не отодвинула колено.

Иван Семенович строго посмотрел на Полину:

– От Палыча – ни на шаг. Поняла?

– Поняла, – кивнула она.

– Юра, повнимательнее сегодня.

– Уже, – ответил Палыч.

Одно слово. Короткое. Без удивления, без вопроса.

И Полина, смакуя свежий чай, подумала: «Палыч знал, что его оставят в лагере вместо Каплана...»

Меж тем его большая, теплая, шершавая ладонь – лежала на ее бедре, и от этого прикосновения, от этого молчаливого и тайного «я за тебя в ответе» – она краснела. И радовалась.

Она радовалась не только тому, что остается под защитой такого же сильного и надежного мужчины как Иван Семенович. Но и тому, что снова пойдет с ним на берег реки. Что он снова будет обтирать ее голое тело полотенцем. Что он опять справит при ней малую нужду, и она увидит его огромную темно-лиловую залупу.

От этой мысли она покраснела еще сильнее.

– Поли-инушка, – послышался голос Каплана. Тот подошел сзади, мягко положил ладони на ее плечи. – Ты вчера жаловалась на спину. Как себя чувствуешь сегодня?

– Получше, – улыбнулась она. – Просто не выпалась.

Он слегка помассировал ее трапециевидные мышцы.

– Неудивительно, – кивнул Каплан. – Пережить такую ночь.

Девушка чуть склонила вниз голову, подставляя под его пальцы еще и шею.

– Ой, как хорошо... – прикрыла она глаза.

Ей действительно было хорошо. Ладонь Палыча медленно гладила бедро. А мягкие, но сильные пальцы Каплана расслабляли болевшие мышцы шеи и плеч.

Пожалуй, никогда и никогда не окружал ее такой заботой. Даже Сергей.

Ее красивые пухлые губы тронула чуть заметная улыбка...

* * *

Заведенный порядок к этому дню Полина знала на зубок. К тому же всю работу выполняли сообща с Палычем, и работа спорилась. Быстро натаскали воды, соорудили нормальный костер, вместе почистили овощи.

Приступать к готовке было рано – до семи вечера оставалась куча времени. Присели на лавку попить чаю с печеньем.

– Хочешь пострелять? Или сначала на речку? – приобнял Палыч девушку.

Улыбнувшись, она на секунду прижалась к нему.

– На речку.

Он допил чай, подхватил карабин...

К берегу по тропинке шли рядом. Одной рукой она держалась за его локоть, в другой несла полотенце, мыло, свежие трусики. Палыч вышагивал по хрустящей гальке, улыбался юной спутнице и бросал острые взгляды на прибрежный кустарник.

Полина расслабилась. Двое крупных мужчин из геологической партии – Палыч и Иван Семенович – внушали такое монолитное доверие, что все страхи и неуверенность таяли как последний снег под апрельским солнцем.

Она быстро скинула одежду, сложила ее на валун. Присела, опершись ладошкой о нагретый солнцем бок камня. Струя ударила в землю, шурша по мелкой гальке. Палыч стоял в трех шагах, курил и снова посматривал на растительность вдоль бережка. Она поднялась, подхватила мыло, скомканные трусики и, осторожно ступая босыми ногами по гальке, двинулась к воде.

Сегодня вода показалась особенно прозрачной, камни на дне лежали как на ладони – бурые, белесые, с рыжими разводами железа. Девушка зашла в воду по щиколотку и тут же втянула воздух сквозь зубы. Ледяная. С гор.

Она сделала еще шаг, потом еще – вода поднялась до колен, и кожа покрылась мурашками, мышцы на икрах свело холодом. Дальше она пошла. Нагнувшись, быстро намылила тру-

сики, потерла их между ладонями, прополоскала и отжала. Потом намылила руку и коротко, торопливо обмыла между ног, подмышками, грудь. Мыло скользило по мокрой коже, пену тут же уносило течением.

Ополоснувшись последний раз, Полина вышла из воды, быстро, почти бегом – губы опять посинели, а зубы начинали стучать.

Палыч уже ждал с полотенцем. Раскрыл его, как обычно, и она шагнула прямо в него – в его руки, в тепло грубой ткани. Он начал с плеч, промокая и растирая. Потом руки, спину, грудь. Полотенце прошлось по животу, по бедрам. Потом Палыч опустился на корточки – полотенце скользнуло по лобку, по складкам паха. Полина чуть расставила ноги, переступив босыми ступнями по теплому камню. Палыч аккуратно, без суеты промокнул губы, промежность, внутреннюю сторону бедер.

Она стояла, закрыв глаза, чувствуя, как полотенце касается самых сокровенных мест, и не двигалась, не возражала – только дышала ровнее и чуть шире развела бедра, давая ему доступ.

Он поднялся, накинул полотенце ей на голову, и Полина начала тереть волосы, продолжая дрожать от холода, но уже порозовевшая, разгоряченная растиранием.

Палыч отступил на шаг. Расстегнул ширинку – привычно, без церемоний, как делал это не раз при ней. Достал член.

Она знала, что сейчас произойдет, и все равно смотрела. Он стоял боком, и она видела, как он оттянул крайнюю плоть, обнажив головку – крупную, темно-лиловую, блестящую. Струя ударила в траву, прозрачная и сильная. Полина продолжала тереть волосы, но взгляд был прикован к его руке, к огромной залупе, к тому, как он держал член двумя пальцами, легко, без напряжения.

Она сглотнула. Струя иссякла. Палыч стряхнул последние капли, повел кожицу обратно. И вдруг поймал взгляд Полины. Прямо, без улыбки.

Она замерла, полотенце на мокрых волосах, руки подняты. Он стоял вполоборота, член все еще наружу, залупа чуть сморщенная от холода, но все равно крупная – непропорционально толстая относительно ствола.

Она не отвела взгляда. Не смогла.

Палыч подошел вплотную. Запах табака и пота накрыл ее.

Он стряхнул еще каплю, и та упала на камни у ее босой ноги.

– Хочешь потрогать?

Вопрос повис в воздухе. Просто. И прямо. Без давления. Как если бы он спросил, хочет ли она еще чаю.

Сердце бешено колотилось. Она чувствовала удары в горле, в висках, в кончиках пальцев. Он стоял так близко, что она видела поры на его коже, седые волоски в бороде, капельку мочи на залупе – прозрачную, повисшую на самом краю.

– Твоего жениха здесь нет. Он далеко, – продолжал Палыч. Голос тихий, ровный. – Никто не увидит. Никто не узнает. Если ты сама не расскажешь.

Полина замерла. Еще мгновение назад она могла просто отойти, натянуть свежие трусики, джинсы и вернуться в лагерь. Разжечь костер под котлом, промыть рис, нарезать мясо – заняться привычными делами, словно ничего не произошло.

Но она не ушла.

Вместо этого она посмотрела влево. Потом вправо. На молчание в безветрии деревья. На паривших высоко в небе хищных птиц. На пустой берег. На реку, продолжавшую течь, будто ничего запретного не происходило и не могло произойти.

Полина опустила взгляд. Его член висел прямо перед ней. Он убрал руку и член покачивался от его глубоко дыхания. Залупа темно-лиловая, толстая, с выступающим краем. Она заметила вену, идущую по стволу; заметила, как кожа чуть сморщилась у основания.

Ее рука двинулась прежде, чем решение было принято. Кончики тонких пальцев коснулись головки. Она оказалась теплой. Гораздо теплее, чем девушка ожидала. Кожа была невероятно мягкой, как бархат, натянутый на что-то твердое. Да, вначале член был мягким, обвисшим. И прямо у нее в руке увеличился вдвое, стал удивительно твердым.

Она обследовала пальчиками гребень, щель на конце головки.

– Нравится? – улыбнулся Палыч.

Она кивнула. И прошептала, присаживаясь на корточки:

– Не такой как у Сергея.

– Мой побольше?

– Да. Длиннее. Толще.

Ее пальцы попытались обхватить ствол, но ладонь не смогла полностью сомкнуться. Член пульсировал в ее руке.

Она продолжала исследовать. Вес. То, как послушно двигается кожа вместе с ее ладонью.

Палыч не шевелился. Только дыхание его стало чуть глубже, грудная клетка под тельняшкой поднималась и опускалась.

Раньше она никогда не видела такое. Сергей всегда убирал ее руку – нетерпеливо и слишком быстро. А сейчас все было по-другому: при свете дня, свободно, без принуждения.

Ее большой палец нажимал на головку, исследовал ее своей подушечкой. Отчего на кончике опять собралась капелька прозрачной жидкости.

Палыч выдохнул. Тяжело, через нос.

– Ладно, будет на сегодня, – его ладонь легла на голову девушки, погладила влажные волосы.

Она поднялась. Встала перед ним, голая. Волосы на плечах, сбившееся на шее полотенце. Рука все еще обхватывает член. Глаза горят.

Палыч смотрел на нее спокойно, без усмешки. Потом осторожно убрал ее руку и поправил полотенце у нее на плечах.

– Одевайся, девочка, – застегнул он ширинку. – В тайге осенью простудиться – что комара на щеке прихлопнуть.

Полина не сразу ответила. Еще несколько секунд стояла неподвижно, словно привыкала к самой себе – к тому, что только что сделала и чего совсем не стыдилась. Потом подняла с камня одежду и начала одеваться.

– Палыч...

– Чего?

– Спасибо.

Он только кивнул и взял карабин.

– Идем. Постреляем. До вечера еще далеко...

* * *

Вечер и впрямь был далеко, но, когда дела стоят в очереди и скучать некогда, время начинает шалить: секунды ползут, минуты идут, а часы пролетают.

Пока Палыч занимался костром, Полина нарезала мясо. Пока под сдвинутой крышкой варился бульон, они упражнялись в стрельбе. И сегодня в эти упражнения добавились улыбки, шутки, смешки. Помогая прицеливаться, Палыч свободно клал ладонь на ее грудь. А она, ощущая на теле его большую ладонь, лишь щурила левый глаз и аккуратно подводила мушку к цели...

Урок закончился десятком разбитых бутылок и поцелуем довольного Палыча. Когда девушка сделала очередной удачный выстрел из положения стоя, он положил руки на хрупкие плечи, развернул ее к себе.

– В стрельбе ты превзошла Каплана, – улыбнулся он. – Только не говори ему об этом, а то старое еврейское сердце не выдержит.

И, наклонившись, прикоснулся губами к ее губам...

Потом борщ доходил на малом огне, а они болтали на лавке за столом. И странное дело – Палыч не домогался, не лез, не провоцировал близость. Будто утром на речке между ними ничего не случилось.

Тем не менее, его опыт, уверенность и простая человеческая доброта притягивали сильнее любого флирта.

* * *

Мужики немного припоздали, но с поля вернулись довольными.

– Нашли, Палыч, – прогудел Иван Семенович, показывая кусок пирита¹.

Тот взвесил находку на ладони, осмотрел. И заулыбался:

– Знать, не зря мы здесь три месяца ковырялись.

Удачу решили отметить и к ужину Иван Семенович выдал Вартаняну на одну бутылку водки больше.

¹ Пирит (серный, или железный, колчедан) – минерал, один из самых распространенных в земной коре сульфидов. Часто сопровождает золотоносные кварцевые жилы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.